

Особенности постмодернистского переводческого дискурса

Необходимость рассмотрения возможностей интерпретации переводческого дискурса в ситуации постмодернизма возникает потому, что в данной коммуникативной ситуации происходит резкое изменение нескольких координат дискурса (в частности, пространственной и персональной). Определяя перевод как один из видов интерпретации текста (вслед за У. Эко, А. Нойбертом, Ю.М. Лотманом), мы считаем целесообразным соотнесение проблематики так называемого «анализа дискурса» и традиционной проблематики теории и практики перевода.

У. Эко соотносит процесс перевода с процессом переговоров [Эко, 2008]. Одно из определений дискурса, дающееся в «Routledge Encyclopedia of Translation Studies», позволяет включить в данное соотношение понятий еще и понятие дискурса: «The second basic sense of discourse is that which concerns the way texts hang together in terms of negotiative procedures, interpretation of sequence and structure, and the social relationships emanating from interaction» [Hatim, 1998, p. 67-68]. С нашей точки зрения, реализация переводческого дискурса именно как negotiative procedures происходит именно на этапе его постмодернистского функционирования.

Модернистское «противопоставление традиции» и постмодернистская тенденция к синтезированию традиционного подхода с абсолютно новыми аспектами изучения какой-либо научной области (см.: [Паршин, 1996]) существенно меняют пространственное и персональное измерения переводческого дискурса. Субъект-переводчик, выступавший в традиционном переводческом дискурсе в идеальном варианте «прозрачного стекла», реализует себя в качестве субъекта, полностью противопоставленного автору текста оригинала в модернистской парадигме (ср. опыты Б.В. Заходера по публикации своих переводов текстов детской художественной литературы под собственной фамилией [Заходер, 2001]). В ситуации постмодерна субъект-переводчик, реализуя то, что исследователи называют the unmarked discourse [Hatim, 1998, p. 68], видоизменяет традиционную ситуацию отсутствия фигуры переводчика в переводном тексте. С одной стороны, в ситуации постмодерна происходит возвращение к традиционному осмыслению фигуры автора текста оригинала. С другой стороны, этой фигуре автора становится практически равной по значимости фигура субъекта-переводчика. Более того, данный субъект может нарушать визуальную норму переводческой речи для создания так называемого «эффекта остранения». В ситуации постмодернистского перевода текстов повестей А.А. Милна о Винни-Пухе В.П. Руднев [Руднев, 2000] сознательно использует стратегию остранения, насыщая текст перевода коммуникативными фрагментами английского языка, данными латиницей или транскрибированными, сохраняя синтаксические конструкции английских предложений и порядок слов в них, не изменяя английскую

пунктуацию и т.п. В рассматриваемом тексте перевода читатель (предполагается, что это компетентный, искушенный читатель-лингвист/философ/семиотик, обязательно владеющий английским языком) видит некую новую норму существования переводного текста и слышит имплицитный, но, безусловно, важный голос переводчика среди языковых партий повествователя и персонажей. При так называемом «противодействующем переводе» (resistive translation), стратегии которого во многом напоминают стратегии рудневского «аналитического перевода», известный переводовед и переводчик-практик Л. Венути иронически провозглашает, что переводчику необходимо оказывать гораздо большее влияние на текст перевода и перестать быть «невидимкой». В результате в тексте перевода наблюдается следующая ситуация, критически оцениваемая А. Нойбертом: «Sociocultural translation creates surface understanding on the basis of linguistic sequences that are formally correct, but leave the reader unsettled. The model produces target texts that are unnatural hybrid of target language and source text. ...The sociocultural target text is composed of familiar words and phrases, interspersed with untranslatable borrowings from the original. ...Sociocultural theorists argue that translators prevent readers from appreciating the source culture» [Neubert, 1992, p. 25-26].

Изменение границ, отмечающих нормы речевого взаимодействия (в том числе в художественной коммуникации), влечет за собой глобализацию культурного пространства и размывание грани между разными языками (ср.: [Владимирова, 2010]). Ориентированность переводческого дискурса в межкультурном пространстве в ситуации постмодернизма либо способствует возвращению к традиционной версии соотношения текстов оригинала и перевода (появление новых, полных переводов некогда фрагментарно переведенных/адаптированных текстов), либо, наоборот, указывает на тенденцию к остранению текста перевода. В качестве примеров первого процесса в области детской художественной литературы можно назвать новый перевод на русский язык классических «Книг Джунглей» Р. Киплинга под общей редакцией Е.В. Перемышлева [Киплинг, 1998] и перевод повестей А.А. Милна, сделанный В. Вебером и Н. Рейн [Милн, 2003], а также новые переводы большинства текстов Д.Р.Р. Толкиена. Примером второго процесса может послужить перевод на русский язык милновских повестей, созданный в соответствии с концепцией аналитического перевода В.П. Рудневым.

Помимо изменений, происходящих в постмодернистском переводческом дискурсе в области межъязыкового перевода, могут быть отмечены и некоторые новые тенденции в области межсемиотического (интерсемиотического) перевода. Ориентированность постмодернистского дискурса в достаточно большой степени на массовую культуру и массовую литературу способствует активному развитию таких видов межсемиотического перевода, как перевод текста с языка литературы на язык кино, мультипликации и комиксов. Преобладание образного языка над вербальным, изображения над словом, с одной стороны, расширяет пространство функционирования переводимых текстов в сфере культуры

переводящего языка, но, с другой стороны, значительно сужает возможности смыслообразования, возникающие при интерпретации читателем вербального текста (ср. практически полное отсутствие в ситуации постмодернизма межсемиотического перевода текста с языка литературы на язык музыки или живописи).

Литература:

1. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации/ Т.Е. Владимирова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
2. Заходер Б.В. Избранное: Стихи, сказки, переводы и пересказы/ Б.В. Заходер. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 688 с.
3. Киплинг Р. Книга Джунглей. Стихотворения и баллады/ Р. Киплинг. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 528 с.
4. Милн А.А. Винни-Пух=Winnie-the-Pooh / А.А. Милн. – На англ. и русск. яз./ Пер. с англ. В.А. Вебера, стихи в пер. Н.В. Рейн. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 448 с.
5. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века/ П.Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 19-42.
6. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка/ В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 320 с.
7. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе/ У. Эко. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 574 с.
8. Hatim B. Discourse Analysis and Translation/ B. Hatim// Routledge Encyclopedia of Translation Studies/ Ed. by Mona Baker. – London; New York : Routledge, 1998. – P. 67-71.
9. Neubert A. Translation as Text/ A. Neubert, G.M. Shreve. – Kent (Ohio); London: Kent State Univ. Press, 1992. – 169 p.